

Методология. ОГРАНИЧЕННАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

Автор: Л. А. ТУТОВ, А. Е. ШАСТИТКО

Разработка, выявление, изучение моделей человека в экономической теории и других общественных дисциплинах - основополагающие методологические вопросы для многих исследовательских программ. В число ключевых характеристик человека входит рациональность, и в данной работе будет рассмотрен комплекс проблем предполагающих изучение ограниченной рациональности и сопряженных феноменов, связанных с действием человека, а также с согласованием ожиданий и действий множества людей.

Концепция ограниченной рациональности, первым системным разработчиком которой был Г. Саймон, - одна из основных в новой институциональной экономической теории. Понятие ограниченной рациональности сопряжено не только с этой теорией, но и с такими направлениями (исследовательскими программами), как эволюционная экономическая теория, новая австрийская экономическая теория. Осмысление концепции ограниченной рациональности также предполагает выход за предметные рамки экономической теории в сферу философии и психологии, системных исследований, обогащая наши представления об этом феномене. Заметим, что расширение контекста изучения ограниченной рациональности открывает возможности выявления таких ее аспектов, которые с точки зрения экономической теории либо вообще не существуют, либо не относятся к числу значимых.

Вместе с тем такое расширение создает дополнительные трудности, связанные прежде всего с выбором стратегии использования рабочего определения ограниченной рациональности в междисциплинарном исследовании. Первая стратегия - использование инвариантного определения ограниченной рациональности с учетом сферы его изначальной операционализации. Другая - корректировка содержания данного понятия в зависимости от особенностей предметной области. Данная статья посвящена исследованию возможностей первой стратегии.

Объяснение решений, принимаемых ограниченно рациональными экономическими агентами, а также обеспечение координации их действий в целях более эффективного использования ресурсов, выбора направления и обеспечения темпов экономического развития - ключевые вопросы, на которые должна отвечать экономическая теория.

Тутов Леонид Арнольдович - кандидат философских наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Шаститко Андрей Евгеньевич - доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В работах экономистов неортодоксального толка, не признающих (в функциональном, методологическом и инструментальном плане) рабочей модели человека, основанной на предпосылке полной рациональности, наряду с концепцией ограниченной рациональности используются такие понятия, как рутины, неявное знание, зависимость от предшествующего развития. Вместе с тем сопряженность данных концепций оказывается, как правило, лишь подразумеваемой, имплицитной и вследствие этого недостаточно проработанной, в том числе с точки зрения границ применимости.

Цель данной статьи - определить ограниченную рациональность в контексте ее взаимоотношений с другими понятиями новой институциональной, эволюционной и новой австрийской экономических теорий. Для достижения поставленной цели формулируются основные подходы к пониманию ограниченной рациональности, ограниченная рациональность соотносится с понятием дискреционных действий, раскрывается ее сопряженность с правилами, автоматизмом поведения. При этом решается проблема взаимообусловленности ограниченной рациональности и неявного знания, анализируются архетипы коллективного бессознательного как формы неявного знания, а кроме того - рассматривается связь ограниченной рациональности с временным фактором и раскрывается неоднозначность взаимосвязи ограниченной рациональности и экономической эффективности.

Поскольку в методологическом плане принципиально важен выбор подхода к сравнению, следует отметить, что в качестве такового в статье выступает новый институциональный подход, основные характеристики которого определены в [Шаститко, 2002, 2003; Эггертссон, 2001; Furubotn, Richter, 1997]. Сопряженность ограниченной рациональности с обозначенными выше понятиями будет также привязана к проблеме эффективного размещения ресурсов и экономического развития.

Ограниченная рациональность, дискреционность действий и институты

Ограниченная рациональность - это информационная поведенческая предпосылка моделирования индивидуальных решений, в соответствии с которой человек стремится к максимальному удовлетворению потребностей с учетом своей не только внешней, но и внутренней интеллектуальной ограниченности. В зависимости от того, каким образом трактуются интеллектуальные возможности, можно получить и различные варианты определения ограниченной рациональности. Если интеллектуальные возможности экзогенны и не изменяются, то и исследование феномена ограниченной рациональности сводится к объяснению того, как люди принимают решения в мире ограниченных ресурсов, причем решение оказывается инвариантным по отношению к различным обстоятельствам места и времени. В связи с этим следует указать на то, что поведенческие предпосылки могут быть представлены в двух формах: инструментальной и функциональной. Инструментальная форма, в сущности, сводится к спецификации предпосылок по соображениям удобства, а не реалистичности, и в большей мере соответствует подходу, который можно кодифицировать как "экзогенность-неизменность" и характеризовать как более специфичный для экономической теории. Функционалистский же подход к определению ограниченной рациональности допускает ее осмысление при более слабых ограничениях на "экзогенность-неизменность". Среди наиболее ярких представителей такого подхода следует упомянуть Х. Лейбенштейна, П. Л. Рейно, а также Д. Норта и О. Уильямсона, которые с разных позиций пытались объяснить степень рациональности человека в разных обстоятельствах.

Осмысление ограниченной рациональности возможно при соотнесении ее с понятием дискреционных действий. Дискреционными мы будем называть такие действия человека, которые основаны на обдумывании, состоящем в сопоставлении доступных альтернатив¹ в их явной форме, и принятии на основе такого сопоставления решения.

¹ Следует различать существующие и доступные альтернативы. К первым относятся реализованные, тогда как в число вторых могут быть включены и те, которые пока не существуют, но при наличных технических возможностях и знаниях могут быть реализованы.

Ограниченная рациональность в принципе сопряжена с отказом от абсолютной дискреционности действий, поскольку она становится слишком дорогой (например, по причине издержек времени на обдумывание). Вместо дискреционности используется правило (как мягкий вариант рациональности в ситуации индивидуального выбора). В данном случае мы имеем в виду прежде всего правила, которые образуют институты.

Правило - это набор предписаний относительно желательных (запрещенных) шаблонов поведения, которые относятся к двум и более действующим лицам. Если та или иная ситуация идентифицирована как подпадающая под действие некоторого правила, то дальнейшее обдумывание действий, строго говоря, должно сводиться лишь к выполнению известных предписаний. Здесь предполагается, что люди соблюдают правила ввиду действенности (по умолчанию) известных механизмов принуждения². В этом смысле, делая небольшое отступление, можно говорить о действенном механизме, обеспечивающем соблюдение правил, как о средстве экономии на издержках обдумывания и принятия индивидуальных решений.

Любые правила ориентируют человека на стандарты поведения, которые описываются посредством алгоритмов. Однако для того, чтобы поведение абсолютно адекватно соответствовало ситуации, правила должны быть стандартизированы так же, как и механизмы их распознавания. Кроме того, важно учитывать, что знание правил и соответствующих им шаблонов поведения не является врожденным, так что, строго говоря, дискреционность возникает в период обучения (вне зависимости от его схемы - обучение на практике, обучение посредством имитации и т.д.). Это связано с необходимостью первичной настройки и согласования человеком отдельных своих действий, обеспечения их сопряженности и последовательности.

Вот почему, если бы дискреционность ничего не стоила, если бы полная рациональность была возможной, то правила принятия решений с их элементом жесткости в поведении были бы излишни. Из сказанного не следует, что правила тогда полностью исключались бы. Просто они каждый раз могли бы создаваться как схемы поведения к случаю, которые, в силу того, что их создание (опять же в силу полной рациональности) ничего не стоит, могли бы просто коллекционироваться.

Отметим, что ограниченная рациональность не предполагает полного вытеснения дискреционных действий действиями, ориентированными на правила. В этой связи можно отметить три момента, принципиально важных для понимания соотношения ограниченной рациональности и дискреционности действий в повседневной жизни и хозяйственной практике:

- дискреционность может вытекать из того, что правила определяют возможности выбора слишком широко, поэтому в рамках соответствующего типа ситуации сохраняется возможность, действуя дискреционно, вместе с тем не нарушать правила. Тогда правила можно считать рамочными, не предполагающими прямого действия;
- другой аспект, связанный с первым, допускает дискреционность в ситуациях, которые не предусмотрены *ex ante*. Например, конечные права (*residual rights*), согласно известному перечню Оноре, предполагают, что их обладатель может принимать самостоятельные решения в случае, если предполагаемые действия не отражены в соответствующем правиле или наборе (например, в контракте);
- наконец, правила могут противоречить (в той мере, в какой любое ограничение есть выражение противоречия или несоответствия индивидуальным предпочтениям) интересам отдельного экономического агента. Взвешивание же выгод и издержек в определенной ситуации может указывать на то, что следование правилам вовсе не свидетельствует о возникновении автоматизма (здесь возникает проблема с порогами восприятия и оценки).

² Понятно, что данная предпосылка не относится к числу реалистичных. Однако для понимания сути вопроса о соотношении ограниченной рациональности и дискреционности ее использование необходимо.

Строго говоря, определение правила является осмысленным, если оно задает лишь рамки для выполнения того или иного действия, а само действие все равно сохраняет элемент дискреционности. Причем это вовсе не обязательно связано с нарушением правил. С одной стороны, правило может запрещать некоторые виды действия. В этом случае, что не запрещено, то разрешено. С другой стороны, правило может лишь разрешать определенные действия. Тогда все, что не разрешено, то запрещено. В условиях ограниченной рациональности два варианта правил могут приводить к совершенно различным результатам, о чем будет сказано специально³.

Ограниченная рациональность сопряжена с формированием автоматизмов восприятия, мышления, поведения, воспроизводящихся в повторяющихся ситуациях. Как уже было отмечено в связи с вопросом о соотношении полной рациональности и жесткости (недискреционности) в поведении, остается лишь вопрос об идентификации повторяющейся ситуации. В этом, кстати, суть проблемы создания и применения прецедента как одного из ключевых принципов организации системы обычного права (*common law*). Действительно, если правило применимо только для определенного класса ситуаций, то возникает проблема идентификации характеристик реальной ситуации (распознавания ситуации) и сопоставления с характеристиками шаблонной ситуации.

С точки зрения взаимодействия между заинтересованными лицами поставленный вопрос приобретает множество дополнительных аспектов, которые будут рассмотрены далее. Здесь лишь обратим внимание на то, что поднятый вопрос корреспондирует с интенсивно обсуждаемой в экономической теории проблемой неполноты контрактов [Тамбовцев, 2001; Шаститко, 2002; Brousseau, Fare, 1998; 2000; Grossman, Hart, 1986; Schwartz, 1992].

Предположим, что существует известное множество шаблонных ситуаций $PS (ps_1, ps_2 \dots ps_n)$, каждая из которых обладает размерностью характеристик $M_1, M_2 \dots M_n > 1$. Тогда любая реальная ситуация должна быть сопоставлена с имеющимся множеством в целях обнаружения достаточной степени соответствия (то есть обнаружения множества квалифицирующих данную ситуацию признаков). Более того, может оказаться, что ни одна из шаблонных ситуаций не подходит к описанию реальной ситуации. В этом случае и возникает необходимость создания новой шаблонной ситуации на основе реальной и формулировки для нее нового или модифицированного правила.

Проблема усложняется, если идентификация реальной ситуации зависит от нескольких действующих лиц с несопадающими интересами. Если для одного из субъектов шаблонная ситуация и применяемое для ее идентификации правило приводят к неблагоприятным последствиям, то интересы данного субъекта состоят в сокрытии информации о квалифицирующих признаках данной ситуации и обеспечении ее квалификации либо в терминах другой шаблонной ситуации, либо путем создания новой.

Один из практических вопросов состоит в том, чтобы объяснить, каким образом можно создать стимулы к раскрытию информации, имеющей отношение к корректному описанию ситуации в рамках предпосылки. Ведь раскрытие информации осуществляется действующим лицом не в силу обязанности или патологической честности, а потому, что это ему выгодно. Выгодность раскрытия информации может быть обусловлена как санкциями за ее сокрытие (их действенность определяется абсолютным значением санкции и вероятностью адресного применения), так и поощрением за ее

³ Если изменение правила сопряжено с издержками, а само правило запрещает определенные виды действий, то, с одной стороны, не запрещенными могут оказаться нежелательные виды действий, а с другой - для желательных действий открывается наибольший простор. В случае же разрешающих правил, наоборот, минимизируются потери, связанные с допущением нежелательных видов действия, а основные потери возникают из-за фактического запрета множества приемлемых действий. Нельзя сказать, что один тип правил лучше другого. В частности, правило "все, что не разрешено государственным служащим, - запрещено" может значительно упростить задачи, связанные с формированием адекватных стимулов предпринимателей, издержек контроля, связанных с получением информации о действиях чиновников.

предоставление. В любом случае ожидаемый чистый выигрыш от раскрытия информации должен быть не меньше нуля⁴.

Предрассудки и ограниченная рациональность

Значительное влияние на поведение человека оказывает сложившееся предпонимание окружающего мира, которое можно рассматривать в качестве предрассудка в позитивном плане. Это эпоха Просвещения понятие предрассудка сделала чем-то отрицательным и даже постыдным. Между тем то, что в ходе самоконструирования разума выступает как предрассудок, в действительности принадлежит самой исторической реальности. Признание исторической конечности способа бытия человека требует принципиальной реабилитации понятия предрассудка. Так, сам по себе предрассудок означает суждение, которое выносится до окончательной проверки. То есть предрассудок - это не ложное суждение. Он может быть оценен и положительно, и отрицательно. В инструментальном плане предрассудок неинвариантен с точки зрения рациональности человека. В функциональном же - инвариантен, поскольку изначально исключает обдумывание того вопроса, отношении к которому человек выражает словами, действиями. С этой точки зрения и эффективность как характеристика результатов взаимодействия между людьми в условиях ограниченных ресурсов не имеет однозначно установленного соотношения с предрассудком.

Сложилось деление предрассудков на предрассудки авторитета и поспешности. Поспешность - подлинный источник ошибок, возникающий при пользовании собственным разумом. Авторитет же, напротив, повинен в том, что люди вообще не прибегают к своему разуму. Напомним, что в экономической теории для объяснения, почему люди отказываются добывать значимую для принятия решения информацию, прибегая в качестве заменителя к мнению другого человека, используется термин "рациональная неосведомленность". В этом случае мы имеем дело с персонифицированным авторитетом.

В основе этого подразделения лежит противоречие между авторитетом и разумом, бессознательным и сознательным. В связи с этим делением необходимо обратить внимание на некоторые интересные обстоятельства. Во-первых, предрассудки в виде ошибочных суждений могут быть результатом рационализации вытесненных в бессознательное травмирующих переживаний. Во-вторых, авторитет, если он занимает место собственных суждений, нередко становится источником предрассудков, однако это не исключает для него возможности быть источником истины. В-третьих, существует такая форма авторитета, как традиция. То, что освящено преданием и обычаем, обладает безымянным авторитетом, и все наше историческое конечное бытие определяется постоянным господством унаследованного от предков (коллективного бессознательного) - а не только понятого на разумных основаниях.

Мысль о преодолении всех предрассудков сама есть предрассудок. Напротив, предрассудки в большей степени, чем здравые рассуждения, рефлексия, составляют историческую действительность бытия. Они законны, неизбежны, их надо осознать, учесть. И если избавляться, то только от ложных предубеждений. С этой целью необходимо вести диалог с изучаемым событием, постоянно вопрошая традицию. Вот почему новая экономическая история, которая интерпретирует исторические факты на

⁴ Если исходить из того, что правила, которые имелись в виду, относятся к внешним отношениям между людьми, то можно предположить, что есть и другие мотивы раскрытия информации. Например, долг или эмпатия. В условиях ограниченной рациональности категорический императив И. Канта может показаться пустой формальностью. Однако в конкретной ситуации фактор долга нельзя не учитывать, рассматривая его как внутреннее правило, также как и эмпатию, позволяющую понимать человека без детальной информации в вербализуемой форме. Следует отметить, что сказанное не вписывается в стандартное понимание повышения рационального человека в экономической теории, если не интерпретировать данную ситуацию в привычных для экономиста терминах.

основе логики рационального выбора, позволяет иначе взглянуть на многие явления прошлого.

Предания, события, традиция - не просто пассивные объекты изучения, но и то, что само с нами заговаривает, подобно самостоятельному субъекту "Ты". Не случайно их изучение базируется на некотором целостном предпонимании. Последующее уточнение их содержания в итоге дает более глубокое осознание феномена. Процесс понимания связан с постоянным возникновением и разрешением противоречий между частью и целым, частным и общим, главным и второстепенным. Таким образом, противоположности между разумом и предрассудками нет, однако в предрассудках есть некоторая историческая данность, подобная данностям природы, поэтому они не нуждаются в разумных основаниях и выступают как некая самоочевидность.

Ограниченная рациональность и неявное знание

Автоматизм в области восприятия, мышления или действий не предполагает в качестве необходимого условия их отрефлектированность, осознанность. Более того, в некоторых случаях последняя может препятствовать автоматизмам поведения. В то же время неотрефлектированность либо с самого начала, либо со временем создает предпосылки появления информации в некодифицируемой или слабо кодифицируемой форме.

В этом смысле механизм действия, восприятия, мышления ограниченно кодифицируется самим носителем восприятия, мышления и действия. Ограниченные возможности кодификации обуславливают либо невозможность, либо значительные трудности в передаче информации от одного субъекта к другому. А это - неявное знание, которое, как несложно заметить, отличается от незнания⁵.

В первом приближении к неявному следует относить знание, которое может быть использовано человеком в принятии решения и совершении действия. При этом оно не поддается кодификации, а соответственно, не может ни храниться, ни передаваться другому человеку, то есть теряет свою ценность по мере увеличения временного разрыва между возникновением ситуации выбора и принятием решения (совершением действия).

Неявное знание - одна из ключевых категорий, использовавшихся Ф. фон Хайеком для объяснения невозможности централизованного планирования с точки зрения механизмов использования рассеянной среди экономических агентов ценной информации. Действительно, если информация обладает экономической ценностью, но в то же время в лучшем случае ограниченно передаваема, то в системе централизованного принятия решений она будет игнорироваться. Это отрицательно скажется на эффективности использования ресурсов, а также помешает обнаружению новых возможностей использования ресурсов, даже если предположить, что лица, принимающие решения, не склонны вести себя оппортунистически, если им это выгодно.

Отметим, что невозможность централизованного планирования связывалась с тем, что централизация информации требует времени и ресурсов, тогда как значительная часть информации должна быть использована "здесь и сейчас". В этом случае централизованная схема использования информации (так же, как система централизованного планирования) должна решать "задачу погони", что может быть сопряжено с нерациональным (противоречащим принципам экономической эффективности) использованием ограниченных ресурсов.

Однако следует учитывать, что неявное и неорганизованное знание [Хайек, 2000, с. 91 - 92] - не одно и то же. Если неорганизованное знание как знание конкретных обстоятельств места и времени может быть кодифицировано при условии снятия жест-

⁵ Обратим внимание, что неотрефлектированный автоматизм вполне может быть совмещен с неотрефлектированным событием, просто потому, что последнее неизвестно *ex ante*.

ких временных ограничений, то неявное знание - нет, поскольку оно не отрефлектировано носителем. Отсюда - дополнительные препятствия для его передачи другому человеку, а в более общем плане - и для централизации такого рода знания.

С нашей точки зрения, понимание неявного знания в экономической теории должно быть более многогранным. Вот почему необходимо обратить внимание, как минимум на два дополнительных обстоятельства.

Прежде всего неявное знание не должно быть индивидуализированным, как это, по сути, предполагалось Хайеком в рамках исследования проблем расширенного порядка. Возможно и коллективное неявное знание, которое возникает у группы людей, находящихся примерно в одной и той же среде, получающих примерно одну и ту же информацию извне. Такое коллективное знание позволяет, при прочих равных условиях, обеспечить сверх коммуникации взаимопонимание, повышающее скоординированность действий. В самом деле, если у субъектов нет возможности обменяться информацией, прежде чем совершить какое-то действие согласованно, это еще не значит, что согласованность будет достигнута только случайно. Наличие фокальных точек, возникающих вследствие подобия механизмов восприятия информации, алгоритмов обработки информации - важное условие скоординированности действий без коммуникации.

Здесь следует оговориться, что взаимопонимание не является достаточным условием согласованности в кооперативном поведении действующих лиц, особенно если учесть возможность несовпадения экономических интересов. Действительно, если в чистой координационной игре фокальная точка позволяет решить проблему согласованности действий, то в игре "дилемма заключенных" даже понимание способа принятия решений контрагентом ведет к субоптимальному решению. (В случае выбора стратегий, соответствующих критерию Парето-оптимальности, игра принципиально изменяется [Шаститко, 2002].)

Второй аспект связан с проблемой оценки эффективности неявного знания. В концепции Хайека предполагалось, что его использование может обеспечить более высокий уровень развития экономической системы. Вместе с тем неявные знания, сказываясь в организационных рутинных, умениях, стереотипах мышления, могут препятствовать адаптации человека, группы, общества к изменяющимся обстоятельствам. Отметим, что организационные рутины в первом приближении - это автоматизмы взаимодействия между людьми, которые обособлены процессами генерирования, передачи и обработки информации от других лиц, принимающих решения.

Сказанное имеет еще большее значение, если принять во внимание тезис, в соответствии с которым координационные характеристики институтов - побочный результат разрешения распределительного конфликта [Knight, 1992]. Функционирование института, препятствуя эффективному распределению ресурсов, одновременно создает негативные побочные эффекты: например, экономические агенты обучаются специальным приемам минимизации негативных (для них) последствий существования данного института. В этом случае можно говорить о возникновении эффекта блокировки.

Таким образом, при оценке неявного знания необходимо учитывать, во-первых, возможность несоответствия обстоятельств, существовавших в период его возникновения, и тех, которые обнаружились в ситуации укорененности неявного знания, и, во-вторых, - возможность несовпадения экономических интересов действующих лиц.

В этой связи следует отметить, что неявное знание как таковое амбивалентно с точки зрения эффективности, поскольку в одних случаях оно позволяет экономить на издержках обдумывания и взаимодействия, а в других - мешает перестроить восприятие, действие, поведение и взаимодействие в соответствии с изменившимися обстоятельствами. В этом смысле аргумент, который использовался для объяснения преимуществ рыночной системы хозяйствования по сравнению с плановой, конечно же, имеет силу, но не может считаться абсолютным.

Архетипы коллективного бессознательного как форма неявного знания

Архетипы коллективного бессознательного можно рассматривать как форму неявного знания, обеспечивающего взаимопонимание между действующими лицами: "...человек - это существо, живущее в знаково-символическом мире, творящее этот мир и его ассимилирующее... Сегодня стало ясно, что этот мир в многообразии его символических систем (и систем ценностей, в этих символах выраженных) во многом определяет характер всех видов человеческой деятельности, в том числе и таких, которые кажутся независимыми от культуры: экономическая деятельность, естественная наука и др." [Лекторский, 1997, с. 3]. Не случайно важные аспекты хозяйства невозможно выразить, не прибегая к миру символов.

В подтверждение правомерности представления символов как феномена сферы неявного знания свидетельствует то, что, помимо общепринятого, они обладают еще и особым дополнительным неопределенным содержанием. Заметим, что символ нельзя свести ни к метафорам, ни к схемам, ни к знакам, ни к эмблемам, ни к абстракциям. Его содержание выходит за пределы дискурсивного мышления.

По мнению некоторых исследователей, все многообразие проявлений бытия символ упорядочивает посредством аналогий, подобий, соответствий, то есть типами правил, более слабых, чем закон. Такая полисистемность бытия выбирает в качестве своего голоса именно символ. В других формах (образ, понятие, слово) она невыразима.

Символ латентно содержит в себе "матрицу", формулу предметов, благодаря которой они сохраняются в различных ситуациях и состояниях. Поэтому подлинные символы имеют объективную природу и выявляются человеком из глубин бытия в процессе деятельности, понимаемой как изобретение. Так и различные хозяйственные формы не только создаются, но и открывают свое содержание в процессе опосредованной ими деятельности.

Конечно, любая классификация по отношению к символам условна, поскольку их нельзя полностью дешифровать, тем не менее, наш ограниченный разум и несовершенные чувства с их помощью постигают бытие в различных отношениях, например через число. Следует отметить, что числовая символика бытия широко распространена (например, "Святая Троица" или "священный Тетрактис") и во многих философских системах число характеризует сущность вещей.

В сфере хозяйства символы представляются в форме архетипов, определяющих общие принципы хозяйства, регулирующих его функционирование и обеспечивающих устойчивость (например, архетип "мирской деятельности"). Кроме того, архетипы раскрывают скрытые смыслы хозяйства и тем самым помогают определить основные направления его совершенствования. Так, архетип "матери - природы" регулирует отношение человека к природе; архетип "труженика - творца" характеризует человека как субъект хозяйства, существо деятельное и созидательное, поскольку хозяйственная деятельность, по словам М. Элиаде, равносильна акту "превращения Хаоса в Космос с помощью божественного акта Сотворения". Архетип "героя" характеризует идеал для подражания, о котором тот же Элиаде написал: "Человек традиционных культур признавал себя реальным лишь в той мере, в какой он переставал быть самим собой... довольствуясь имитацией и повторением действий кого-то другого". Архетип высших ценностей "истины, добра и красоты" определяет смысл хозяйства и показывает направление его развития. Существует и архетип, представляющий хозяйство как живой организм, открытую систему, способную преодолевать собственные границы. Ряд можно продолжить и дальше. Элиаде утверждал, что существуют "мифические прототипы всех видов человеческой деятельности. Например, что человеческое правосудие, которое зиждется на идее "закона", имеет своим небесным и трансцендентным прототипом космический порядок (дао, артха, рита, цедек, темис)" [Элиаде, 2000, с. 30,46,44].

Ограниченная рациональность и зависимость от предшествующего развития (фактор времени)

В наиболее четкой форме связь ограниченной рациональности с феноменом *времени* проявляется в зависимости от предшествующего развития и выражается прежде всего в эффекте накопления шаблонов поведения, а также во взаимоувязывании (сопряжении) их друг с другом.

Напомним, что зависимость от предшествующего развития в самом общем виде означает зависимость решений, принимаемых в настоящем от тех, что были приняты в прошлом. Прежде всего это обусловлено зависимостью прошлых и настоящих характеристик ситуации выбора.

Зависимость от предшествующего развития не могла бы возникнуть, если бы действующие лица принимали решение раз и навсегда. Однако поведение человека во времени - это последовательность актов выбора, а с точки зрения координации - последовательность актов экономического обмена. Кроме того, для воспроизводимости действий (в разных формах) большое значение имеет память как вместилище ассоциаций, мыслей, алгоритмов поведения. Более точно память следует определять как способность того или иного субъекта воспроизводить события (действия), не находящиеся в каждый данный момент в фокусе внимания, но активируемые в случае возникновения и распознавания соответствующей ситуации. Зависимость от предшествующего развития означает, что поведение человека - такая последовательность актов выбора, в которой существует элемент необратимости, не позволяющий "переиграть" неудачные варианты в рамках того же контекста.

Человек не может ни знать, какие ситуации выбора возникнут в будущем после принятия рассматриваемого им решения, ни тем более вычислить оптимальную для будущего линию поведения. Однако человек действительно может осознать - и это вполне укладывается в концепцию ограниченной рациональности, - что принимаемые в данный момент решения способны оказать большое влияние на те решения, которые придется принимать в будущем.

Существуют разные стратегии поведения в данной ситуации. Во-первых, человек может отложить выбор⁶ до выяснения и взвешивания максимально возможного набора выгод и издержек. Во-вторых, он может ориентироваться на принятие таких решений, которые позволяют в случае необходимости если и не вернуться к исходной ситуации, то, по крайней мере, приблизиться к ней.

Прошлое - важный, но не единственный фактор, оказывающий влияние на поведение экономических субъектов. Вот почему предшествующее развитие должно восприниматься только в контексте его взаимосвязи с настоящим и будущим. Это хорошо видно, когда речь идет о времени, которое в качестве особого функционального фактора приобретает в развитии общества дополнительное значение, определяющее само его существование. Так происходит, когда традиционные механизмы перестают выполнять свои функции и наступает период глубоких переворотов и ускоренного движения. (Об этом писали А. Тойнби, О. Шпенглер и другие.)

Время становится особым функциональным фактором по разным причинам. Они могут быть не только духовно-ценностными, экономическими, политическими, но и биосферными, географическими. Таким образом, хозяйство, а вместе с ним человек получают вызов, требующий дополнительных усилий для ответа на появление новых условий и трудностей существования. Безответный вариант поведения ведет к гибели хозяйства или его деградации. В такой ситуации фактор времени, то есть фактор незамедлительных действий, приобретает особое значение. Поэтому и говорят об "акту-

⁶ Строго говоря, такая формулировка правомерна в том случае, если в качестве одной из доступных альтернатив не рассматривать *status quo*. В противном случае действующий человек избежать выбора в принципе не может.

альном времени". Такие периоды, с одной стороны, имеют прогрессивное значение, поскольку, принимая вызов, хозяйство поднимается на новую ступень развития. Однако, с другой стороны, имеются и отрицательные моменты. Развитие хозяйства в условиях глубоких переворотов, ломки существующих норм и традиций, не опирающихся на постепенное накопление соответствующих факторов, приводит к значительным издержкам. Это и страдания основной массы населения, и поверхностный, непоследовательный и несогласованный характер производимых изменений, структурный дисбаланс.

Итак, взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего очевидна не только в рамках религиозного мировоззрения, но и в общественных науках. Многие, что сейчас происходит, было подготовлено предшествующим периодом. Все ошибки и нерешенные проблемы, неблагоприятные тенденции развития достаются в наследство от прошлого. Однако и предполагаемые цели развития хозяйства также влияют на характер происходящих сейчас процессов. Иначе говоря, будущее влияет на настоящее, как настоящее некогда влияло на прошлое. Настоящее, в свою очередь, закладывает основные характеристики будущего, хотя, конечно, не отменяет его самостоятельности. Не меньшую опасность представляет и абсолютизация будущего, или идея общественного прогресса. Можно согласиться с теми мыслителями, которые утверждали, что идея прогресса не оправдана ни с научной, ни с философской, ни с моральной точек зрения. Прогресс означает обожествление будущего за счет настоящего и прошлого. Тем самым все поколения и их деятельность рассматриваются как не имеющие ценности, значения и цели сами по себе, а представляющие собой лишь орудия и средства для грядущего.

Ограниченность рациональности и экономическая эффективность

Многоаспектность опосредованной взаимосвязи ограниченной рациональности и экономической эффективности проявляется прежде всего в отсутствии однозначной привязки условий экономической эффективности к единственному механизму согласования ожиданий и координации действий экономических агентов. Однако важно подчеркнуть, что сравнение результатов размещения ресурсов на основе предпосылок ограниченной и полной рациональности предопределено в пользу второй. В данном отношении ограниченная рациональность однозначно связана с неэффективностью, но это не означает, что установление подобной связи является тривиальной задачей, ведь полная рациональность всех экономических агентов недостижима.

Вот почему нетривиальная оценка соотношения ограниченной рациональности с условиями эффективности возможна только для достижимых (реализуемых) альтернатив. К тому же не все достижимые альтернативы в каждый данный момент существуют. Достижимость означает отсутствие технических препятствий для того, чтобы та или иная альтернатива была реализована, даже если она не соответствует принципу экономической эффективности. В этом плане принципиальное значение имеют стимулы действующих лиц, направленные на выявление неизвестных доселе альтернатив.

Более того, в сложноорганизованных системах экономическая эффективность может быть обеспечена за счет сосуществования различных механизмов координации. Причем это различия как в стимулах для экономических агентов, так и в информации, которой они наделяются. Конкурентоспособность хозяйственной системы в таких условиях определяется тем, как устроены механизмы выбора, создания и отсева форм координации действий экономических агентов. Не следует также забывать про различия, несоответствия экономических интересов, которые дополнительно усложняют вопрос об экономической эффективности. Собственно, процедура отбора механизмов координации, форм экономической организации - также проявление ограниченной рациональности, в которой нет очевидного указания на то, эффективна данная процедура или нет.

* * *

Понятно, что развернутое системное определение ограниченной рациональности как одной из основных поведенческих предпосылок современной экономической теории - работа, масштабы которой выходят далеко за рамки данной статьи. Тем более, что речь идет об определении в контексте взаимодействия между различными исследовательскими программами в рамках экономической теории, а также о междисциплинарном контексте.

Тем не менее проведенный сопоставительный анализ позволил сформулировать следующие выводы:

- ограниченная рациональность не является частным случаем стандартной рациональности, а представляет собой информационную поведенческую предпосылку моделирования индивидуальных решений;
- наибольшей эвристичностью обладает представление об ограниченной рациональности в функционалистском подходе, допускающем слабые ограничения на "экзогенность-неизменность";
- комплексное осмысление рациональности возможно только при соотнесении ее с такими понятиями, как дискреционные действия, правила, автоматизм поведения и т.п.;
- несмотря на то, что ограниченная рациональность с экономической точки зрения связана с неэффективностью, ее следует воспринимать как объективный фактор, который в более широком контексте дает представления об эффективности иного порядка, поскольку снимает ограничения, связанные с выбором узкого круга реализуемых альтернатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лекторский В. А.* Гуманизация, гуманитаризация и культурологический подход к образованию / Культура, культурология и образование (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 1997. N 2.
- Тамбовцев В. Л.* Принципы и методы экономического анализа нормативных актов // Экономический анализ нормативных актов. М., 2001.
- Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.
- Шаститко А. Е.* Новая институциональная экономическая теория. М., 2002.
- Шаститко А. Е.* Новая институциональная экономическая теория: особенности предмета и метода. М., 2003.
- Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М., 2001.
- Элиаде М.* Избранные сочинения. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М., 2000.
- Knight J.* Institutions and Social Conflict. Cambridge, 1992.
- Brousseau E., Fare M.* Incomplete Contracts and Governance Structures. Paper Presented at the Second Conference of the International Society for the New Institutional Economics. Paris, 1998.
- Brousseau E., Fare M.* Incomplete Contracts and Governance Structures // Institutions, Contracts and Organizations: Perspectives from New Institutional Economics. Cheltenham, 2000.
- Furubotn E.G., Richter R.* Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economics. Ann Arbor, 1997.
- Grossman S.J., Hart O.D.* The Cost and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94.
- Schwartz A.* Legal Contracts and Incomplete Contracts // Contract Economics. Blackwell, 1992.
- © Л. Тутов, А. Шаститко, 2005